

«Ленинградские немцы: судьба военных поколений»

Д-р ист. наук Ирина Черказьянова

Данная лекция была прочитана 16 ноября 2019 года доктором ист. наук Ириной Черказьяновой в рамках семинара для мультипликаторов молодежной работы «Ленинградские немцы во время блокады».

Черказьянова Ирина Васильевна (г. р. 1955), лауреат приза имени Георга Дехио, член правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН). В настоящее время – независимый исследователь. В сотрудничестве с Русско-немецким Центром встреч (drb) подготовила несколько выставок об истории немцев в России.

Семинар «Ленинградские немцы во время блокады» был организован drb в рамках проекта [«Гуманитарный жест»](#). Лекция была прочитана в помещениях средней общеобразовательной школы №636 Центрального района Санкт-Петербурга. Мероприятие было открыто директором drb, А.А. Немковой, и заместителем директора по воспитательной работе школе № 636, П.А. Ильиным.

-Уважаемые дамы и господа, мы благодарим нашего партнера, школу номер 636, за предоставление возможности провести второй модуль семинара о немцах в блокадном кольце здесь, в уютном актовом зале этой школы. В зале у нас сегодня находится несколько групп, назовём их так. С одной стороны, это участники семинара, которые в русско-немецком центре встреч организуют в рамках «Гуманитарного жеста», инициативы министерства иностранных дел Германии, целью которой является знакомство немецкой молодежи с историей блокады и знакомство немецкой молодежи со свидетелями. Это большая группа, которая приехала к нам сегодня с утра и только начинает свою программу. Также с нами присутствуют волонтеры, которые приехали из Германии для того, чтобы поддерживать блокадников в их быту, это не очень большая группа, но очень активная группа, группа молодых ребят, которые приехали к нам на три месяца. Также в зале находятся волонтеры-журналисты, которые приехали к нам на два месяца, целью которых является освещение мероприятий «Гуманитарного жеста». Ну и наконец, здесь же в зале находятся постоянные посетители русско-немецкого центра встреч, люди с немецкой судьбой, с немецкими корнями. Хочу отдельно представить вам тех людей, которые особенно нам дороги: это Беатриса Викторовна Лид (?), если можете, блокадница, спасибо большое, Маргарита Константиновна Шутьмайстер, не блокадница, но, давайте похлопаем, постоянная посетительница, которая прошла Трудармию и тюрьму в советское время. Тюрьма ist Gefängnis, да. Также в зале присутствует семья Байн, Августина и Константин, и Ирина Александровна Архипченко, потомок колонистов Стрельнинской немецкой колонии, и Герта Генриховна Крылова и Ирина (?) Лосева, активисты общины Святого Петра, немецкой общины Святого Петра и Святой Анны, и Герта Генриховна еще является

председателем немецкого общества. Ну, надеюсь, я никого не забыла, и счастлива вам представить представителя школы, Петра Александровича Ильина, заместителя директора по воспитательной работе в этой школе, благодаря которому мы сегодня имеем возможность провести это мероприятие именно здесь.

-Спасибо. Мы рады приветствовать здесь всех гостей, мы очень рады, что на базе нашей школы проходит такое важное мероприятие, лекция Ирины Васильевны Черказьяновой. Тема очень важная, и она очень значима для каждого из нас, и, в любом случае, для немцев (?), поскольку она позволяет под другим углом посмотреть на те трагические события и в целом на войну и понять, что жертвами этой войны стали абсолютно все, независимо от их национальности. Эта тема также актуальна и для нашей школы, поскольку мы связаны с немецкой культурой и с немецким языком, у нас изучается немецкий язык. Более того, мы считаем себя правопреемниками реформатского училища, которое было открыто в 1818 году в этом здании Йоханном Муральтом, сподвижником (??? 4:26). И эта тема, с нашей точки зрения, является, наверное, наиболее удачной с точки зрения налаживания межкультурного диалога, поскольку она хоть и является сложной темой, тяжелой, и тем не менее, все-таки она позволяет каким-то образом приобщиться к этому, к этим событиям, что-то для себя осознать, лучше понять и себя, и русских немцев и, соответственно, возможно сделать какие-то выводы, чтобы в дальнейшем того, что происходило тогда, больше не повторялось. В заключение хотел бы поблагодарить Ирину Васильевну Черказьянову, за то, что удостоила нас чести читать лекцию в нашей школе, Арину Александровну, за то, что согласилась с нами работать и сотрудничать, также я хотел бы поблагодарить наших педагогов, Иванову Любовь Николаевну и Елену Анатольевну Осетрову, которые подготовили сегодня детей для того, чтобы они выступали, и, конечно же, самих ребят. Спасибо!

-Спасибо большое, Петр Александрович. Вы меня сегодня опередили. Прежде чем мы начнем непосредственно лекцию по интересующей нас с вами теме, хочу представить нашего переводчика, Лилия Шакирова, которая будет делать синхронный перевод, невидимый наш помощник. Ученики 636 школы будут сопровождать лекцию, лекцию очень дорогого нам человека. Доктор исторических наук, Ирина Васильевна Черказьянова, наш давний друг. Давний друг, который привнес в тематическое разнообразие русско-немецкого центра встреч особенную и очень важную тему. Тема репрессий и депортаций российских немцев. Ирина Васильевна давно занимается историей немцев, будучи немкой сама, но тема депортации ленинградских немцев до исследований Ирины Васильевны, к сожалению, не была освещена в популярной литературе вообще никак. Только учёные имели доступ к этой информации, и в 2013 году — правильно, Ирина Васильевна? — в 2010, простите... нет, в 13, в 2013 году Ирина Васильевна подготовила книгу «Ленинградские немцы: судьба военных поколений» и небольшую выставку, эти два стенда, «Депортация ленинградских немцев: до и после». За книгу «Ленинградские немцы: судьба военных поколений» Ирина Васильевна была удостоена приза Германского культурного форума «Восточная Европа», приза имени Георга Дехио. Этот приз вручается за исследования, посвященные немцам, истории немцев за пределами Германии. Ирина Васильевна — первый российский ученый,

которая была удостоена этого приза. Я не буду больше вас развлекать рассказами о том, какой глубокий, прекрасный исследователь Ирина Васильевна, и с радостью предоставляю ей слово.

-Дорогие друзья, добрый день. Большое спасибо за оценки, которые прозвучали, но дело не в моих заслугах, а дело в той теме, которая достойна того, чтобы о ней говорить как можно больше, чаще, в разной аудитории. Сегодня мы с вами вместе будем вспоминать тяжелое военное время. Судьба трех городов: Ленинграда, Дрездена и Хиросимы –это три страшных символа Второй Мировой войны. И они всегда будут напоминать о том, что война бесчеловечна по своей природе. Они будут напоминать о том, какой ценой был завоёван мир. И особую страницу в истории военного Ленинграда занимает история его немецкого населения.

Немцы традиционно проживали в Петербурге, с момента основания города. И поэтому Петербург был очень немецким; не только потому что там жили тысячи немцев, мы говорим о том вкладе, который сделали немцы в области экономики, культуры, науки и образования России. И самый заметный след в истории немецкого населения России оставили именно петербургские немцы. В середине XVIII века рядом со столицей были основаны немецкие колонии. Таким образом, вокруг города появилось и сельское немецкое население. Часть колоний была расположена в непосредственной близости от города, такие, как, например, Средняя Рогатка, Гражданка, Смольная и другие. Другие чуть поодаль, но все равно, они очень близки были к столице, и столица очень сильно влияла на развитие немецких колоний. К сожалению, события Первой мировой войны, развернутая антинемецкая кампания привели к тому, что значительная часть немецкого населения Петербурга оставила город, оставила его навсегда. Поэтому накануне Второй мировой войны мы видим, что немецкое население в Ленинграде и прилегающей области было не столь значительным, как это было до революции. Сложим эти цифры и получим примерно 33 тысячи немцев. Очертим ту территорию, которая нас интересует. Это, естественно, и сам город Ленинград, но и прилегающие территории. А с 1927 года, когда была организована Ленинградская область, она представляла собой огромную территорию, поскольку включала в себя и современную Новгородскую, и современную Псковскую области ([см. рисунок 1](#)). Депортации подверглись в первую очередь немцы из колоний, то я посчитала нужным чуть больше рассказать об этом. Перед вами – рисунок колониста из Новосаратовки Шмидта, который запечатлел состояние этого поселения в довоенный период. Новосаратовка – это старейшая и крупнейшая немецкая колония, которая возникла еще во времена Екатерины Великой ([см. рисунок 2](#)). Другой крупной колонией была Колпинская, она располагалась вблизи современного города Колпино, и названия-то совпадают ([см. рисунок 3](#)).

Колпинская колония в советские годы входила в состав передового колхоза имени Эрнста Тельмана и здесь, перед вами, уникальные кадры, фотографии, которыми поделились потомки жителей колонии. Мы видим колхозников, сгруппировавшихся вокруг трактора, передовую колхозницу Аурелию Штресс ([см. рисунок 4](#)). Другой крупнейшей колонией была Стрельнинская, она чуть младше Новосаратовки и

Колпинской, но по своему статусу, по своему цветущему состоянию она несколько не уступала, а может, даже и превосходила все другие немецкие колонии. В советские годы это был передовой колхоз-миллионер Rote Fahne. В советские годы многое изменилось в жизни немцев-колонистов. Но трудолюбие, стремление к порядку и организованности никто не смог отнять. Поэтому неслучайно, что именно немецкие колонии стали передовыми, прогрессивными колхозами в советский период. Они были известны не только в Ленинградской области, но и далеко за её пределами. В пригородах Ленинграда накануне войны существовали и успешно работали несколько немецких колхозов или колхозов, где преобладающим населением были немцы. Вот здесь один из кадров, из архивов взятый, который представляет нам молочную ферму колонии Средняя Рогатка ([см. рисунок 5](#)). В немецких колониях, колхозах действовали национальные школы ([см. рисунок 6](#)), были и свои детские сады ([см. рисунок 7](#)), то есть все казалось внешне безупречно, отлично шло, но вот за этим внешним фасадом скрывались многие проблемы.

Да, немецкие колонии превратились в передовые хозяйства, но давайте посмотрим, а что внутри, что с их душой, духовной жизнью, с их культурой в это время происходило? В 30-е годы все церкви, не только немецкие, но и в колониях тоже, были закрыты, а пасторы подвергались арестам. С 1938 года преподавание в немецких школах было переведено на русский язык. Можно считать, что пришел конец национальному образованию, были закрыты именно национальные школы. И нужно особенно подчеркнуть, что немцы в Советском Союзе первыми испытали на себе Большой террор 1937-38 годов, потому что именно с «немецкой линии» началось преследование людей по политическим мотивам. 1 сентября (19)39 года началась Вторая мировая война, а после того, как гитлеровская Германия напала на Советский Союз, мы говорим о том, что началась Великая Отечественная война. Одна война в другой. Поэтому в советской и в современной историографии мы продолжаем выделять хронологически Великую Отечественную войну.

С первых дней войны с Германией Ленинградская область стала прифронтовой, а после того, как были захвачены города Остров, Псков, военные действия развивались уже непосредственно на территории Ленинградской области. И тысячи, тысячи людей из Прибалтики, из других западных территорий, которые примыкали к Ленинграду, хлынули в город. Вот здесь перед вами фотографии, исторические фотографии, когда в город не только люди шли, но и скот сгоняли ([см. рисунок 8](#)). Предполагалось, что город уберезет людей, никому ведь в голову не приходило, что враг сможет так близко подойти и уж никто не думал, что впереди очень страшная блокада. А тем не менее, вражеские войска наступали стремительно, и уже 19 августа был захвачен Великий Новгород. Вскоре была захвачена Старая Русса, а вокруг этих городов были немецкие поселения ([см. рисунок 9](#)). Город начал серьезно готовиться к обороне. Гражданское население было мобилизовано на строительство укрепленных рубежей. Здесь мы видим, как строят противотанковые рвы. ([см. рисунок 10](#)) Насколько они понадобились — другой вопрос, но люди были уверены, что они вносят вклад в защиту своего города. А здесь — фрагмент архивного снимка, который показывает, как шло строительство противотанковых заграждений в районе Средней Рогатки ([см. рисунок 11](#)). На фото просматриваются высотные

дома, жители города узнают эти здания, которые на заднем плане –здесь начинается Ленинский проспект. А тогда это была граница города, Средняя Рогатка была пригородом, это сегодня часть города, а тогда это была та граница, по которой прошла линия фронта. Население колонии было эвакуировано вглубь города, а сама колония исчезла впоследствии бесследно. Передовая линия обороны Ленинграда проходила по краю Колпинской колонии, уже в конце августа (19)41 года передовые части вражеских войск развернули бои и попали на территорию Колпинской колонии. Их оттуда изгнали, но вот эта граница, которая сегодня обозначена такими белыми треугольниками, на протяжении всей блокады больше не была нарушена. То есть на этой линии, именно здесь, у Колпинской колонии враг был остановлен. Это лишь один из участков линии обороны, как вы понимаете ([см. рисунок 12](#)).

В то время, как фашистская армия очень активно, можно сказать, успешно наступала в сторону Москвы и Ленинграда, в это время сталинское правительство подготовило указ о выселении немцев Поволжья. Обвинения были надуманными. Поводом послужили сфальсифицированные сведения о якобы тысячах шпионов, которые наводнили республику немцев Поволжья. И указом Президиума ВС СССР от 28 августа (19)41 года немцы Поволжья, а это несколько сот тысяч человек, были подвергнуты депортации, а сама республика немцев Поволжья была ликвидирована. И этот указ впоследствии применялся ко всем немцам, которые жили и на других территориях. Выселили с Украины, из Крыма и Кавказа, Азербайджана, из Москвы – в общем, отовсюду, где проживали немцы, они были изгнаны и выселены на восток, в Сибирь или Казахстан. В общей сложности в 41-42 году принудительно было выселено более миллиона двухсот тысяч советских немцев. Нужно отметить особенности выселения ленинградских немцев, а их депортация тоже стояла в планах, но, к сожалению, наверное, для властей, к сожалению для работников НКВД, военные действия нарушили их планы. Но тем не менее, выселение ленинградских немцев началось раньше, чем выселение поволжских немцев. Если там действовал указ правительства, то здесь основанием служило решение Совета Ленинградского фронта, то есть военные и власти, НКВД, приняли решение о выселении «неблагонадежных», о выселении немцев и финнов с этих территорий. Смотрите, 26 августа появилось секретное постановление военного Совета об обязательной эвакуации немецкого и финского населения. Понимаете, почему еще и финны? Финляндия воюет на стороне Германии. Поэтому эти народы потенциально, превентивно записаны в разряд «пятой колонны», возможных врагов, предателей. По планам, которые военные разработали, немцев и финнов должны были выслать в Коми ССР, в Архангельскую область. И операция должна была пройти с 27 августа по 7 сентября. Часть немцев и финнов в этот период все-таки была выселена, и исследования, документы говорят о том, что около 28 тысяч тех и других вывезли на территорию соседних, Вологодской и Кировской областей. В основном это были немцы к тому времени в общем-то уже оккупированной Новгородской области. Люди бежали на восток от надвигающегося фронта, но тем не менее, беженцев фильтровали, находили и выселяли.

Памятная дата для Ленинграда – 8 сентября (19)41 года. После захвата Шлиссельбурга Ленинград был полностью блокирован. Полное снятие Блокады

произошло 27 января 1944 года. Много научных трудов написано о войне и обороне Ленинграда, о положении жителей в блокированном городе и их эвакуации. Мы же решили поделиться с вами теми документами о блокаде, которые сохранились в семьях немцев.

<...>¹

К осени (19)41 года жизнь немцев-колонистов и их поселений складывалась по-разному. Посмотрите на эту карту: так выглядела линия фронта зимой (19)41-42 годов ([см. рисунок 13](#)). Темным цветом выделены те территории, на которых находились советские войска, светлым выделены зоны оккупации. Ленинград в центре темным пятном, а вокруг — часть современного Всеволожского района, например. Вот знаменитый Ораниенбаумский пяточок — небольшая территория, которая на протяжении всей войны оставалась под защитой Красной армии. Часть немецких колоний оказалась в блокадном кольце — Новосаратовка, Янино, Веселый Поселок, Овцыно, Парголово. На линии фронта — Средняя Рогатка, Колпинская. А на Ораниенбаумском пятачке остались две колонии — Кронштадская и Ораниенбаумская ([см. рисунок 14](#)). И, к большому сожалению, на территории оккупации оказалась также часть немецких поселений. Это Кипень, Луцкая, Порховская, Стрельнинская, Этюп, Ямбург. В свое время, когда эвакуировали немцев вглубь города, многие жители Стрельнинской колонии сами привезли в город своих детей, стариков, зимние вещи, надеясь, что они смогут уйти в город. Но оказалось так, что они на многие годы расстались со своими самыми близкими людьми.

Снимок, который хранится в Военно-Морском музее: Миноносец «Строгий» Балтийского флота на Неве, напротив Новосаратовской колонии ([см. рисунок 15](#)). Обратите внимание, очень размытым фоном, но видна Новосаратовская колония. Снимок был опубликован, в целях военной цензуры изображение колонии было заретушировано, чтобы противник не мог сориентироваться по карте, выяснить расположение этого корабля.

Окруженный вражеским кольцом город и его окрестности продолжали жить, работать. Работали предприятия и учреждения, школы и больницы, магазины и даже кинотеатры, как нам сегодня и ни покажется странным. По мере нарастания масштабов голода работа все больше замирала, но окончательно жизнь в Ленинграде не остановилась. Люди продолжали работать и в блокированных пригородах. В одном из ленинградских архивов мы нашли вот этот снимок ([см. рисунок 16](#)). На нем изображен немец из колонии Колпинской, колхозник Тельманского колхоза Мус: и фамилия-то такая, Мус, *ich muss*, да, я должен работать, и вот я работаю. Этот человек первые месяцы блокады показывал удивительные результаты, «стахановской», как в то время говорили, работы, перевыполнял планы во много раз. В блокадном Ленинграде осталась значительная часть немцев города и пригородов. Мы говорили, каким образом жители пригородов оказались в городе. Но и в самом городе насчитывались тысячи немцев. Их судьба

¹ см. <https://drb-ja.com/die-leningrader-blockade/bibliothek/>, публикацию «Отрывки из дневников ленинградских немцев», воспоминания Лилии Штейн.

была точно такой же, как и у всех других блокадников, они точно так же страдали от всех невзгод, от бомбежек и артобстрелов, от голода и холода. На фотографии – семья Кристины Шмидт, которая вся погибла в блокаду (см. рисунок 17). И мы продолжаем слушать воспоминания тех людей, кто пережил это время. Из воспоминаний Лидии Штайн.

<...>²

Несколько лет назад к нам попал блокадный дневник 16-летней Нелли Турнгер. Её потомки живут в Самаре. Они долго не решались выслать копию дневника, потому что говорили: «А там ничего интересного! Там только рассказы и разговоры, записи о еде. Вам это будет неважно, вам это... ну, неинтересно будет». Мы долго переписывались с этими людьми и наконец-то я их убедила, что это тоже важный документ военного времени, как и многие другие.

<...>³

И такие записи о еде, об ее отсутствии, наполняют дневник и на следующих страницах. Дневник обрывается буквально на полуслове: вот поели и было вкусно, но не оборвалась жизнь этой семьи. 3 августа 1942 года их выслали по национальному признаку в Алтайский край, откуда обе – мама и её повзрослевшая дочь – были мобилизованы в трудармию. Мать оказалась под Новосибирском, а Нелли направили на нефтяные промыслы в Куйбышевскую – сегодня Самарскую – область.

Это уникальный документ, который хранился в семье Виктора Фёдоровича Шефер. Его нет с нами уже несколько лет, но память об этом замечательном человеке мы бережно храним. На фотографии – довоенной фотографии – его семья (см. рисунок 18). А развернутые страницы – это последние страницы Библии, где немцы, по сложившейся традиции, записывали даты рождения и смерти своих близких (см. рисунок 19). Если с правой стороны мы видим дореволюционные записи, то с левой – череда записей военного времени. Сначала шли на немецком, затем перешли на русский, зафиксированы печальные факты: вот мама умерла, папа умер. Где-то указано время, а не только день. Умерла семья, но маленький Виктор и его сестренка Франциска выжили. После войны Виктор Фёдорович стал известным медиком, доктором медицинских наук, и долгие годы работал в Ленинграде.

В то время, о котором только что мы слышали воспоминания, город все больше и больше страдал от голода. До 4000 человек ежедневно умирали в феврале (19)42. Город нес чудовищные потери. Умирал каждый третий житель города. И снова перед нами страницы детского дневника – Льва Циммермана. Отец Льва, Людвиг Людвигович – немец, военный врач, был арестован в августе (19)37 года и вскоре расстрелян. Вдова с сыном переехали с родственниками в Ленинград, где прожили всю блокаду. Мать Лёвы работала фельдшером в госпитале.

² Там же.

³ ³ см. <https://drb-ja.com/die-leningrader-blockade/bibliothek/>, публикацию «Отрывки из дневников ленинградских немцев», из дневника Нелли Турнгер.

В своих дневниках и воспоминаниях, вы заметили это, дети фиксируют свое внимание и на тех событиях, которые происходили на фронте. Это обнадеживало или, наоборот, удручало. Ленинград с тревогой следил за тем, что происходит на фронте. А в это время на фронте сражались ведь и советские немцы, которые были с первых дней войны призваны в армию. Многие пошли туда добровольно. И тем не менее, после того как началась депортация немцев, гражданского населения, несмотря на то что Красная Армия отступала и нужны были силы, вопреки всему этому, по политическим мотивам немцев-красноармейцев начинают убирать, отзывать из армии в самый разгар боёв за Тихвин. 29 октября (19)41 года из частей 52-й армии стали удалять немцев, финнов, латышей, литовцев и других «сомнительных лиц». Немцы, отозванные из армии, стали первыми «трудармейцами», об этом мы чуть позже поговорим. Люди до сих пор не могут найти своих родственников, пропавших без вести, видимо, они погибли во время жесточайших боев: на Синявинских высотах, во время Любанской операции, то есть в то время, когда предпринимались попытки прорвать блокаду Ленинграда.

И вот, пережив первую, самую страшную блокадную зиму, военные власти вновь возвращаются к своей идее о депортации «неблагонадежных лиц», о принудительном выселении немцев из Ленинграда и в целом из блокадного кольца. И вновь повторяются постановления с тем же самым названием, которые были выпущены в августе (19)41 года. Но ведь на дворе уже март (19)42. Проще всего, как я уже говорила, было выселить немцев-колонистов, они жили компактно. Приходили представители советских органов или органов НКВД, и давали распоряжение: в течение нескольких часов собраться и быть в определенном месте для того, чтобы их вывезли сначала к станции Борисова Грива, а дальше, через Ладогу, на Кобону ([см. рисунок 20](#)).

Знаменитая Дорога Жизни, которая проходила по льду Ладоги, вы видите это, прямой горизонтальный прочерк, вот по этой линии вывозили людей ([см. рисунок 21](#)). Все это называлось эвакуацией. Но после того, как людей вывозили на материковую часть, так называемую «большую землю», судьба этих эвакуированных разительно отличалась от судьбы других ленинградцев. Да, за это время, только за зиму (19)41-42 по Дороге жизни было вывезено более полумиллиона человек, а за все время блокады — более 1 300 000 человек. Этим людям спасли жизнь. Но что же произошло с немцами после того, как их вместе с другими вывозили в сторону Кобоны? Уже там их поджидали эшелоны, которые дальше их везли в Сибирь. Документы свидетельствуют о том, что первые 5 эшелонов ушли уже 17 и 18 марта. Все составы сопровождался военным конвоем. На сборы отводилось совсем немного времени; хватало в первую очередь самое необходимое, и часть этих вещей спасла им жизнь потом, когда они оказались без крова, без помощи, среди незнакомых, чужих людей. 24 марта началась массовая депортация немцев и финнов. Мы видим, что эшелоны продолжают отправлять в

⁴ см. <https://drb-ja.com/die-leningrader-blockade/bibliothek/>, публикацию «Отрывки из дневников ленинградских немцев», из дневника Льва Циммермана.

сторону Иркутска и Красноярского края, и последний эшелон ушел 29 марта, то есть в очень короткий срок, буквально в течение 10 дней, немецкое население и финны были выселены.

Нужно заметить, что не всех немцев выслали, как мы уже видели из прозвучавших свидетельств, многие немцы пережили блокаду. Может быть, их не искали, может быть, у них супруги были русскими, по разным причинам оставались в городе. Немцы, и не один, не два, а многие, оказались заложниками блокады до самого последнего дня. К 1 октября (19)42 года основная часть и сельского, и городского немецкого населения из Ленинграда была выселена, цифры показывают, что общая численность составила более 58 000 человек. И есть известные, на весь мир известные фотографии, как выглядела Дорога Жизни весной (19)42 года, когда уже она начала подтаивать, машины по оси шли по воде, иногда проваливаясь, погибали люди, но дорога продолжала действовать, спасала людей ([см. рисунок 22](#)). Многие годы спустя эвакуация немцев и финнов была признана принудительным выселением, то есть депортацией. А если нет в документах слова «выселение», слова «депортация», то ты просто спасенный, и вот этот вот стереотип, что вот «вас же спасли, от ваших же», от ваших же немцев, но гитлеровских, вот этот стереотип часто можно слышать и сегодня. Вот буквально в сентябре я была на конференции в Тобольске, она была посвящена в том числе и немцам в Сибири. Выступали молодые люди, чуть старше наших сегодняшних участников лекции, и они рассказывали о судьбе их семьи. Тут встал один человек пожилой и сказал: «Так вас же спасли, что ж вы тут стонете, что ж вы стенаете, сколько об этом можно говорить». Пришлось мне встать на защиту — я не выступала с докладом — мне пришлось встать и сказать: «Да, физически спасли, но без понимания того, что дальше с немцами сделали, что с ними произошло... невозможно понять цену этого спасения». Поэтому давайте смотреть на эти события в целом, на всю совокупность фактов, а не просто говорить «вас вывезли из Ленинграда и на этом дело закончилось». К сожалению, для немцев не закончилось.

Сейчас мы поговорим еще об этом, но хотелось бы обратить ваше внимание на то, как сами коренные жители Ленинграда относились к депортации, к выселению людей другой национальности. Основная часть была безучастна. Все были озабочены своими проблемами, своим собственным состоянием. Тем не менее, были зафиксированы отдельные негативные высказывания, эти высказывания тщательно собирали органы НКВД. Все слухи, все разговоры — все собиралось, анализировалось. Настроение людей постоянно анализировалось. Отдельные высказывания типа «Да, поделом им, этим гадам, побыстрее их вместе с их семьей надо выселить». Удивительны другие факты, когда, например, в Ораниенбаумском районе немцев выселяли, то русские, не понимая, что дальше-то будет с немцами, просили их вместе с немцами выселить, потому что это была надежда на спасение. И когда этим людям отказывали — вы же не немец, вы русский — люди обижались, оскорблялись, не понимали, что происходит. После того, как немцы были выселены из пригородов Ленинграда, когда жизнь начала постепенно восстанавливаться, сказались экономические трудности из-за депортации, а именно: из 44 действовавших колхозов Всеволожского района 41 полностью состоял из немцев и

финнов, а 2 — частично. Поэтому трактора, например, просто некому было обслуживать.

До сих пор мы говорили о той территории, о городе, который оказался в блокадном кольце. Но в самом начале мы говорили о том, что часть немецкого населения осталась за блокадным кольцом. Что же там происходило? Все население на оккупированной территории, независимо от их национальной принадлежности, привлекалось к обязательному исполнению работ. И на принудительных работах к ноябрю (19)42 года на оккупированной территории использовалось около 9 миллионов советских граждан. Мы знаем отдельные факты по Шлиссельбургу, когда все мужчины в возрасте с 15 до 55 лет должны были выполнять работы военного характера, а за уклонение от этих работ они могли быть приговорены или просто могли быть казнены. По мере того, как Красная армия наступала, а гитлеровская армия отступала, начался массовый угон населения в Германию. В годы войны было угнано, без учета военнопленных, около 5 миллионов человек. Вот в эту волну угона попали немцы с оккупированных территорий, так называемые Volksdeutsche. Те, кто родился в Германии, это были Reichsdeutsche, а те, кто жил за пределами Германии, этнические немцы... Я не люблю это слово, и не историки это слово придумали. Эти термины из того времени, они были введены германской стороной, вот эти люди ранжированы таким образом. «Возвращение» Volksdeutsche выглядело таким образом. До определенного пункта люди шли пешком, на повозках, затем их сажали в вагоны, везли через Прибалтику, на территорию, так называемую Вартегау, на территории Польши, которая должна была быть специальной губернией, куда свозили этнических немцев из разных стран ([см. рисунок 23](#)). Фотография семьи Гевейлера, сделанная уже на территории лагеря, где они были уже поселены ([см. рисунок 24](#)). Этих людей одежали, обували, многие немцы — в то время Volksdeutsche — получили гражданство. Но тем не менее они все время оставались людьми второго сорта. Отдельные судьбы немцев лишь дополняют общую картину положения Volksdeutsche на территориях уже германских. Люди работали, люди болели, люди не имели полноценного питания. Кто-то умер от голода, кто-то смог вернуться на Родину.

Война близилась к концу и в январе (19)45 года на Ялтинской конференции страны антигитлеровской коалиции, среди прочих, приняли решение о том, что все гражданское население, которое было принудительно угнано на территорию Германии, будет возвращено в свои государства, в родные места. И поэтому с конца мая (19)45 года началась репатриация советских граждан. Этому возвращению подлежали и ленинградские немцы, и другие Volksdeutsche. В воспоминаниях сохранились такие факты, когда, например, одного из стрелнинских колонистов уговаривали: «Да ты оставайся, все здесь мы тебе дадим, и будет тебе и корова, и будешь ты хорошим фермером», но он говорил «Да как же я, вот, бывший коммунист, я, я не могу остаться, я должен вернуться в свою страну». Эти люди были возвращены, и на 1 января (19)55 года мы видим, что 142 тысячи немцев были репарированы в Советский Союз. После того, как они проходили фильтрационные пункты или лагеря на границе, их отправляли не в родные места, а в ту же Сибирь, на тот же Русский Север, в Сыктывкар, в Березняки и так далее, и они становились

гражданами, может быть, уже третьего сорта, потому что они проживали на территории врага. Кто-то подвергался и тюремному заключению по подозрению, может быть, в коллаборационизме, в сотрудничестве и так далее, с фашистским режимом. То есть судьба этих людей была несладкой.

Те немцы, которые были уже депортированы в (19)42 году, очень скоро были мобилизованы в трудармию. Трудармия — это военизированный лагерь, где люди работали на очень тяжелых работах, в таких отраслях как лесозаготовки, шахты, нефтепромыслы. Не беда, что они работали на тяжелой работе, в это время весь тыл был мобилизован на помощь фронту, а беда в том, что этим людям не доверяли, на работу они ходили под конвоем, как военнопленные. И даже когда весной (19)46 года, трудармия была расформирована, этих людей не отпустили на свободу. Начался возврат германских военнопленных в Германию, а советских немцев не то, что не отпустили, а, наоборот, их закрепили специальным указом на вечное поселение в тех местах, куда они были выселены. И начался так называемый режим спецпоселений, когда ты не был лично свободным. Любое передвижение без согласования с органами было невозможным. На собственную свадьбу в соседнее село ты должен был отпрашиваться, и каждый месяц ты должен был ходить в комендатуру и отмечаться, что ты не сбежал, потому что, если ты без согласования с властями покинешь эти места, это будет означать побег и дальше 20 лет каторжных работ. Режим спецпоселения был отменен только 13 декабря 1955 года.

Но людям до 1972 года не разрешалось вернуться в свои места и многие стали невольными сибиряками. Они пустили там свои корни, у них там свои семьи, они обжились, они стали прекрасными работниками. Мы знаем о передовых колхозах на территории Казахстана, которые возникли из числа вот этих высланных немцев. То есть люди и на новом месте проявляли свое трудолюбие, законопослушность. А тех, кто пытался вернуться в родные места, их принудительно возвращали, наказывая при этом, поэтому если кто-то и приезжал в Ленинград, или в колонию бывшую, и видел свой родной дом, он не мог поселиться в нем, вот он дом стоит, вот мои родные стены, но там уже другие люди, и ты не смеешь здесь жить. Но ты можешь жить, например, на территории Эстонии, как вот мы видим на верхней левой фотографии Екатерина Лефлер из Стрельнинской колонии долгие годы не могла вернуться в Ленинград, хотя ее дочь, ее сестра были в городе ([см. рисунок 25](#)). А многие так и остались сибиряками. Жили и в Тобольске, и в Тюмени, и в Ханты-Мансийске, и где угодно. Там, куда их военная судьба забросила. Очень волнительный такой снимок: бывшие жители Стрельнинской колонии, семья Рейх, приехала в Стрельну, а потом вернулись в место высылки. Образ женщины трагический, она даже глаза прикрыла от своей тоски, от печали, от этих переживаний, а сыновья ее поддерживают ([см. рисунок 26](#)). Вот некий обобщенный образ, когда тебе нельзя вернуться домой. И ты не понимаешь, почему тебе нельзя вернуться домой. И ты остаешься сибиряком ([см. рисунок 27](#)). И как сегодня современные исследователи утверждают, многие руководители предприятий Сибири и Казахстана были заинтересованы в том, чтобы немцев как можно дольше держать у себя. Это были прекрасные работники. Поэтому местные власти гласно или

негласно способствовали тому, чтобы немцам не позволено было вернуться к себе домой до начала семидесятых годов.

Что же сегодня нам напоминает о тех временах? И о хороших довоенных, дореволюционных, о тяжелых военных временах? Может быть что-то такое осталось, что говорит о том, что вот здесь жили немцы. К сожалению, таких символов практически нет. Когда мы едем в аэропорт, едем от Площади Победы в сторону Пулково, приходит ли кому из нас в голову, что мы едем по землям Среднерогатской колонии ([см. рисунок 28](#))? Справа и слева зеленые газоны, современные жилмассивы, а когда-то это был колхоз. Как-то на одной лекции ко мне подошла женщина и говорит — спасибо, что Вы нам объяснили. А то мы живем в этом жилмассиве и не понимаем, откуда там яблоневые сады, почему так все тут деревьями засажено, а оказывается, там жили люди. Это же, в конце концов, не Луна необитаемая, да, какие-то жили люди. Но именно на этом месте жили немецкие колонисты.

Сегодня, пожалуй, единственным местом, которое можно назвать аутентичным, более-менее которое соответствует тому времени, это Новосаратовка ([см. рисунок 29](#)). Немцев там нет, но до последнего времени там сохранялись немецкие постройки. Добротные, двухэтажные, деревянные. Сейчас это популярное место для дачников. Бывшие немецкие дома умирают, участки продают и там возникают шикарные коттеджи. И только само название — Новосаратовка, нам напоминает о том давнем прошлом. И там еще стоит церковь. Если вы со стороны Рыбацкого в хороший погожий день посмотрите на противоположный берег, вы увидите какие-то коттеджи, и вы увидите церковь — это бывшая Новосаратовская, самая старая, самая крупная, немецкая колония под Петербургом, середины XVIII века.

Мы сегодня с вами собрались не только для того, чтобы послушать об этом прошлом, вспомнить, пережить эти тяжелейшие события, но и для того, чтобы хотя бы в наших головах, в наших сердцах, сохранялась добрая память о тех людях, которые были нашими соседями, нашими друзьями, нашими учителями или школьниками. Это такие же были ленинградцы, как и люди других национальностей. Сегодня в Петербурге проживает лишь чуть более трех тысяч немцев. Это не только коренные жители Ленинграда. Кто-то сюда приехал из Казахстана, из Сибири. Но мне очень хотелось бы, чтобы память об этом немецком прошлом Петербурга и его окрестностей хранилась не только в сердцах немецкого населения, в сердцах этих трех тысяч, но и все мы должны помнить, с добром вспоминать этих людей и делать все возможное, чтобы память об общем прошлом не затухала. Спасибо.

- Большое спасибо, Ирина Васильевна, большое спасибо ребятам. Сейчас время вопросов. Я попрошу задавать вопросы в микрофон и, если вопросы по-немецки, то мы попросим, наверное, Лилию подойти сюда ближе, чтобы переводить тоже в микрофон. Я попрошу представляться, прежде чем задавать вопрос.

- Архипченко, колонии Стрельна (смеется). Ирина Васильевна, будьте добры, вот мне интересно узнать, вот как вы считаете, вот кроме нашего центра немецкого, еще кто-

нибудь имеет вот такую информацию, или нет? По поводу, вот, судьбы немецких... ленинградских немцев.

- Спасибо, Ирина Александровна за вопрос. Действительно, на протяжении последних тридцати лет в нашей стране, в странах СНГ, в Германии, очень активно ведутся исследования по истории и культуре российских немцев. Российские немцы – это те, у кого была общая Родина – Российская империя. Да, мы не можем говорить: «А, это немцы Кавказа», хотя мы понимаем, что это немцы Кавказа, но в научном мире есть такой термин *Russlanddeutsche* – российские немцы. И о том, как жили немецкие колонисты до революции, писала Елена Бахмутская, ее эти статьи давно известны, ее доклады звучали на конференциях, они опубликованы. Татьяна Алексеевна Шрадер, как вы знаете, много лет ведет конференции, посвященные немцам Петербурга, но тема о депортации, о военной судьбе ленинградских немцев звучит лишь последние десять лет. И мы делали все возможное, от нас зависящее, чтобы эта тема звучала. Да, действительно, когда к семидесятилетию депортации советских немцев издавались, так называемые, «черные книги», они есть в Немецком центре, то была заказана специальная статья по ленинградским немцам. И вот в этот альбом, в памятное издание эти сведения попали. Руководитель сайта «Поволжские немцы» специально попросил меня, чтобы я написала для них о ленинградских немцах. Судьба ленинградских немцев шокировала даже исследователей. Ну да, депортировали, но чтобы из блокадного Ленинграда депортировали, вот это было неожиданным! Неожиданным и для германской стороны. Я думаю, что награда (Дехио-прайс) была даже, наверное, не столько за саму книгу, как за сам факт, он был очевидный, но он лишь теперь был представлен общественности. То есть сейчас есть книга, есть статьи, есть выставки, на сайтах есть информация о ленинградских немцах. Может быть, ее надо больше, с этим я согласна. И книги, которые были подготовлены потомками колонистов, лично развозила в библиотеки. Они есть и в Москве, и на Украине, и в Германии. Да, об этом мы говорим. Но насколько это дошло до людей, это другой вопрос. Но работа ведется по популяризации этой темы.

- Книга, о которой говорит Ирина Васильевна, будет вручена всем участникам семинара в последний день.

-А она еще есть?

-В таком количестве она еще есть, мы работаем сейчас над расширенным изданием этой книги.

-Хочу предоставить слово Маргарите Константиновне Шульмайстер.

-Добрый вечер, мои дорогие. Я несколько слов только хочу сказать. Не потому что мне нечего сказать, мне, все-таки, на минуточку, 95 лет, и историю XX века я не по книжкам учила, не по рассказам соседей, соседних бабушек, а вот на этих самых начиная с детских речей, так что сказать есть что. Но я сейчас хочу несколько слов сказать, так сказать, какое я, я лично отношение имею к блокаде, потому что у нас, все-таки, тема сегодня – блокада. Значит, моя семья, до Революции еще, жила в

Петербурге, в частности, мой дядя, старший брат моей матери, был пастором и по решению церковного, так сказать, начальства, или как выразиться, в 1925 году, уже при советской власти, после того, как, в общем, много церквей уже было уничтожено и пастыри, и священнослужители тоже физически уничтожены, вдруг вышло постановление: открыть в Ленинграде тогда, это был Ленинград, семинарию для подготовки лютеранских пасторов. До этого, до Революции вернее, когда Эстония принадлежала России, то немецкие юноши, Russlanddeutsche юноши, кончали немецкий университет в Тарту, богословский факультет, и вот эти выпуски вполне обеспечивали всю Россию лютеранскими пасторами. Ну а после Революции, мы знаем, что Эстония приобрела самостоятельность, так что университета немецкого уже не было в России. И вот совершенно неожиданно в (19)25 году вышло решение Советского правительства в Ленинграде на базе Анненкирхе открыть семинарию для подготовки лютеранских пасторов. А так как мой дядя к этому времени был в таком хорошем рабочем возрасте, ему лет 38, наверное, было, и он после пяти лет Тарту, университета в Тарту, еще два года в Лейпциге, ну так сказать, усовершенствовался, и, так сказать,знакомился с Европой, с постановкой там этого дела, вот ему и поручили и вот, кто знаком с географией города, Анненкирхе, по обе стороны два больших здания, в одной было здание школы, Анненшule, школа немецкая, а в другом здании вот расположилась, ее отдали, это здание отдали под семинарию для подготовки лютеранских пасторов. Срок обучения длился 4 года и в этом здании пасторы-студенты жили, там же были лекторские, лекционные залы, и некоторые преподаватели, доцентами их называли, даже жили в этом здании. Вот мой дядя с семьей жили там, ну, близко, рядом церковь, там они практику проходили, в своей церкви, ну вот. Ну, а когда церкви после Революции начали уничтожать, это же участь постигла Анненкирхе, и тогда, значит, ну, старые люди знают, какая была ситуация. Так вот значит, в (19)25 году, семинария начала работать, и первый выпуск, через 4 года, состоялся в 1929 году. Первый выпуск, очень радостный, и есть, я вот приносила, мы тут немножко кое-чего записывали, фотографию, где снят мой дядя и там моя мама на фотографии, моя бабушка. Вот это как раз к моменту этого выпуска первого, очень торжественно и празднично было все. Ну, а в (19)30 году, когда должен был второй выпуск уже произойти, ну, как вы думаете, что произошло — арестовали всех преподавателей, некоторых сразу, пастора Мальмгрена (1881-1945) сразу расстреляли, а моего дядю много лет держали в тюрьмах, в основном на Дальнем Востоке, и расстреляли его только в (19)41 году, когда началась война. Здесь, привезли в Ленинград, он был в районе Иркутска, Хабаровска, вот, Чита — вот в тех местах он в тюрьмах был. Привезли специально в Ленинград и расстреляли здесь, на станции Буй, это в нескольких часах езды в сторону, по северной дороге, в сторону севера. Через несколько недель арестовали его жену, тетю Клару, тоже расстреляли, и была у них дочь, Хельга, которая в (19)39 закончила наш университет, причем факультет астрономии и физики, астрофизики, вот молодежь знает такой термин, причем во всей группе, в её, вот, год учебы, она была единственной девочкой, девушкой. Только ребята были, потому что этот предмет — это квинтэссенция всей высшей математики, плюс физики, плюс все остальное. И она была совершенно гениальных способностей. Девочку арестовали, осудили там — ну, тоже там, шпионаж и прочее, было ей, по-видимому, года 23 в этот момент, прочли ей приговор — «приговорена к расстрелу», но получилось так, что у

нее за эти годы, причем её увезли в Новосибирск для ведения следствия, надо ж было её шпионскую деятельность как следует разобрать, девочки. И за эти скитания по церквам, церквам, Господи, у неё началась скоротечная чахотка двусторонняя, и она умерла на больничной койке тюремной. Но перед этим ей все-таки прочли её приговор, «приговорена к расстрелу». Но вот уже лежащую, умирающую девочку не успели расстрелять. Вот такова судьба. Такова связь, моя лично вот, с Петербургом. А потом мне пришлось еще один раз встретиться с Петербургом. Я, весной (19)42 года, ну, я как немка, была давным-давно уже, конечно, в Сибири, потому что после того, как дядю, вот, расстреляли, моя семья вся уехала на Волгу. Поэтому нас депортировали с Волги в Сибирь. И к моменту весны (19)42 года, когда вот уже здесь была в разгаре блокада, я уже была в Березняках, на Северном Урале, в трудармии. Было мне тогда 16 лет. Ну, работали мы, конечно, на лесоповале, в тайге, ну, это длинная история, я не хочу об этом говорить, и вот, весной (19)42 года — у нас же ни газет, ни радио, никаких сведений — мы вот жили в этом дремучем лесу в землянках и ничего не знали, что где происходит, идет ли война или она уже кончилась... И вдруг, в один прекрасный день, весна (19)42 года, вдруг нам кажется, что привезли, значит, каких-то новых людей, небольшую группу. И вот когда мы вечером после работы в свои землянки вернулись, мы увидели эту маленькую кучку людей. И вот они... Ну мы поразились, мы-то были все голодные, больные, ну, в общем, вид у нас, конечно, еще тот был. Но вид этих людей нас поразил. И вот они нам сказали: а вот мы — из Ленинграда, мы — блокадники. И вот это были те немцы, о которых сейчас Ирина Васильевна говорила, которых, вот, через это озеро на грузовиках везли, и когда они на материковую часть — так было сказано — перевезли, статус их моментально изменился, то есть они стали, в общем, ну... Присоединились к судьбе остальных российских немцев. И они привезли вот их в трудармию, чтобы они тоже работали на лесоповале, в шахтах и прочих. Но они, по-видимому... Может быть, они даже и умерли после первого, в ближайшее время, их нигде никогда не видели больше. Они не могли бы работать: они, наверное, и умерли. Вот так я узнала, что существует блокада, что существуют блокадники, и среди них, вот так, эти немцы. А у меня есть еще две семьи, все-таки, мои родственники оставались, и я поняла, что, по-видимому, и они где-то, бедные, или вот так вот в трудармию привезены, или умерли в первую блокадную зиму. Вот такая связь у меня со словом «ленинградская блокада». А сама я, повторяю, была уже в это время трудармейкой. Но я хочу что еще вот одно заметить, если можно. Я обещала очень мало говорить; но старые очень, ну, знаете, болтливы до ужаса, тем более, когда за плечами целый век жизни. Знаете, что меня страшно... ну, сказать обижает — нет, а может быть, и обижает, огорчает? Вот, значит, Берлинская Стена пала, границы открылись, значит, мы туда, они сюда, ну и наконец, мы столкнулись в жизни с настоящими немцами, немцами первого сорта, можно сказать. Ну я уж прямо говорю, ну, потому что... если уже с подпорченной репутацией мы были, Russlanddeutsche. Кстати, у меня документы в кармане, но не здесь, а дома, так, образно я говорю, для переезда в Германию, уже 30 лет — но вот, я и по сей день здесь, вот, все думаю, а может, все-таки переехать. И вот когда я туда первый раз приехала как гость, некоторые жители Германии, немцы настоящие, очень сильно возмущались: «и что это за немцы, они говорят, что они немцы, они же языка не знают!». Я говорю: «знаете что, наличие, владение языком не является еще признаком национальности человека». Вот если имеете терпение, я

вам расскажу, почему мой собственный сын не знает немецкого языка, хотя он немец. И он получил в трехмесячном возрасте уже справку, что он реабилитирован, а до этого он считался преступником. Какой тут немецкий язык может быть? И вот они до сих пор не могут успокоиться: «ну если вот эти Russlanddeutsche приезжают, и вот они тут все получают у нас, и пособие, и то, и се, а вот какие же они все-таки немцы, они языка...», и все не могут успокоиться... Мы не имели права говорить, нас могли просто в трамвае побить, нас могли просто... нам в лицо могли плюнуть, если мы по-немецки разговаривали. Вот это очень неприятно. К сожалению. Я кончила. Нет, я не кончила, я перестала. Кончить я не могу.

-Есть ли еще вопросы к Ирине Васильевне и к Маргарите Константиновне? Беатриса Викторовна? Спасибо вам большое, тема тяжелая. Я в заключение нашей встречи хочу выразить огромную благодарность Лилии Шакировой за перевод, огромную благодарность школе. Любовь Николаевна Иванова, которая репетировала с ребятами читку. Такой формат придумала Ирина Васильевна, и большое вам спасибо за вашу выразительность, ребята, и за те эмоции, которые вы сумели очень здорово передать. Спасибо большое. Большое спасибо Петру Александровичу, который сделал возможным наше пребывание сегодня здесь, мне кажется, этот зал очень хорошо подходит такому формату мероприятий. Нам у вас было очень хорошо, давайте продолжать нашу дружбу. Отдельно мы оформили благодарственное письмо на имя директора школы и каждому из ребят, которые читали из дневников блокадных детей, прошу вас передать ребятам. И, дорогая Ирина Васильевна, вам низкий поклон, за все то, что вы делаете и все то, что сделаете на благо немцам в России. Спасибо Вам. Боюсь показаться навязчивой, я приглашаю всех на сцену для общей фотографии, и на этом наша сегодняшняя программа закончена. Спасибо вам.

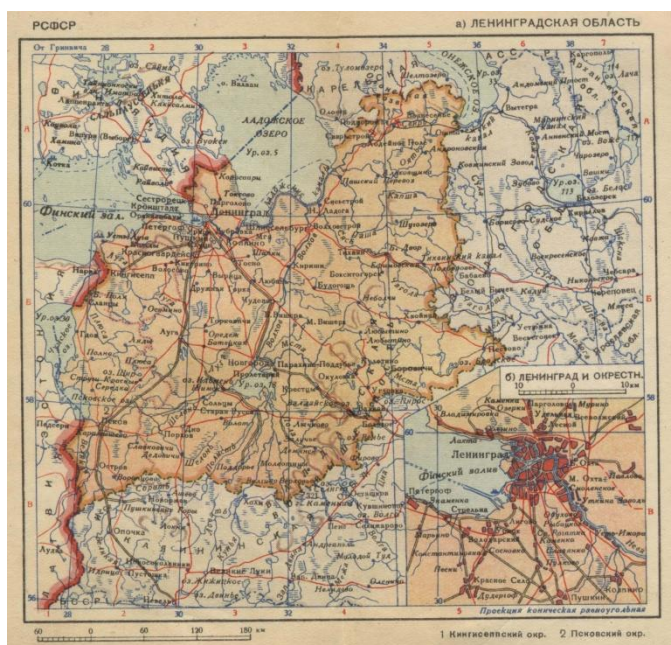

Рисунок 1: Ленинградская область образована 1 августа 1927 г. До 1944 г. в ее состав входили Новгородская и Псковская области.

Рисунок 2:
Рисунок А.А. Шмидта.

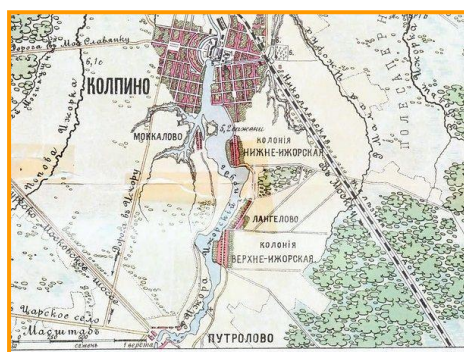

Рисунок 3: Колпинская колония находилась близ города Колпино на реке Ижора.

Рисунок 4: Передовая колхозница Аурелия Штрез, бригадир овощеводов колхоза им. Тельмана. Вторая половина 1930-х годов.

Рисунок 5: Молочная ферма Среднерогатского совхоза.

Рисунок 6: Ученики 3-го класса Новосаратовской школы. 25 октября 1939 г.

Рисунок 7: Детский сад в Каменке. 1936 г.

Рисунок 8: С первых дней войны с Германией Ленинградская область стала прифронтовой, а после захвата в июле городов Остров и Пскова военные действия разворачивались уже на территории самой области. В Ленинград хлынули беженцы.

Рисунок 9: (слева направо) Псков, Старая Русса, Новгород.

Рисунок 10: Население прифронтовых деревень на строительстве оборонительных сооружений.

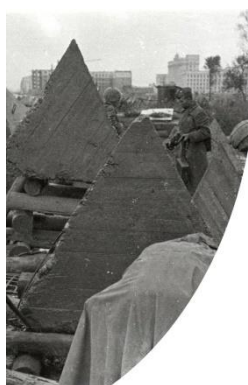

Рисунок 11: Строительство противотанковых заграждений в районе Средней Рогатки. Оборонительная линия протянулась на 15 км от Московского шоссе до Невы.

Рисунок 12: Передовая линия обороны Ленинграда проходила по краю Колпинской колонии. В августе 1941 г. здесь остановили противника.

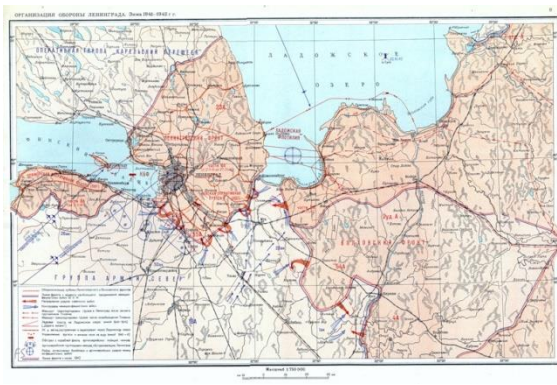

Рисунок 13.

Рисунок 14: Бои у реки Воронка – западной границы «пяточки»

Рисунок 15: Эскадренный миноносец «Строгий» Балтийского флота на Неве, напротив Новосаратовской колонии. Стоял на охране рубежей Ленинграда в 1941–1943 гг.

Рисунок 16: Бригадир возчиков Н-ского лесопункта, снабжающего Ленинград дровами, работник колхоза имени Тельмана Ям-Ижорского сельсовета Тосненского района Н.Я. Мусс организовал на 5 лошадях вывоз до 80 кубометров дров в день вместо запланированных 35 кубометров. 22 ноября 1941 г.

Рисунок 17: Семья Кристины Шмидт

Рисунок 18: Семья Федора Шефера.

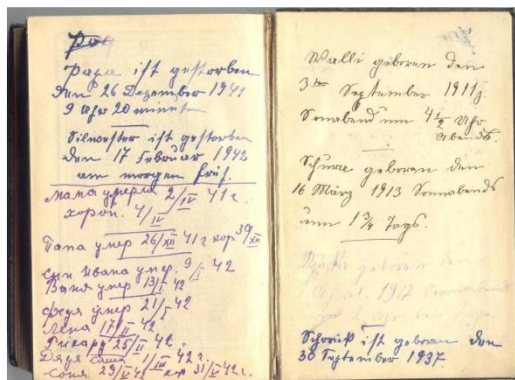

Рисунок 19: В феврале 1942 г. в среднем в сутки гибли от голода 3200–3400 человек, а в первую декаду марта 2700–2800 человек. Умирал каждый третий житель города.

Рисунок 20: Дорога в тыл начиналась от Финляндского вокзала к станции Брисова Грива, далее через Ладогу до Кобоны.

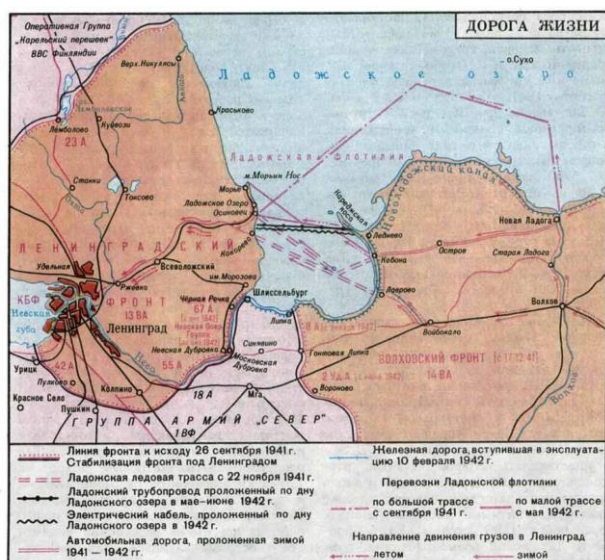

Рисунок 22.

Рисунок 21: Ледовая «Дорога жизни» в 1941/42 гг. действовала 152 дня. За это время вывезено 550 тыс. человек. Всего за период блокады эвакуировано 1,3 млн человек.

Рисунок 23.

Рисунок 24: Семья Филиппа Гевейлера, жителя Стрельнинской колонии, вывезена в Германию 12 февраля 1942 г.

Рисунок 25: (Слева направо) Екатерина Лефлер в Пярну, Семья Юнг из Гражданки в Сургуте, Семья Аман из Стрельны в Тобольске. Возвращение в родные места немцам было запрещено. Запрет был снят лишь в 1972 г.

Рисунок 26: Домой на побывку. Семья Рейх в Стрельнинской колонии. 1950-е годы.

Рисунок 27: Ленинградские немцы, ставшие сибиряками не по своей воле.

Рисунок 28: Район площади Победы.

Рисунок 29: Новосаратовка. Сохранилось место и планировка бывшей немецкой колонии. Немцы там не проживают. Сегодня в Петербурге насчитывается немногим более 3 тысяч немцев.